

А.С.Паринова

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС РАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЭМЫ ДЖ.МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»

Рассматривается влияние поэмы Джона Мильтона (1667) на мотивный комплекс рая в русской литературе, которое заключается в трансформации библейской интерпретации образов ада и рая в поэме, проявлении двойственности образа Сатаны, а также перемещении топоса «рая» из плана внешнего во внутренний — духовный мир человека. Влияние данной поэмы отмечено в лирике русских поэтов-романтиков XIX века (М.Ю.Лермонтов, А.А.Фет), указано на развитие идей Мильтона в русской прозе (Ф.М.Достоевский, З.Прилепин). Проблема двойственности человеческой души заняла одно из важнейших мест в русской литературе.

Ключевые слова: мотивный комплекс, мотив, рай, ад, «Потерянный рай», Милтон, Лермонтов, Фет, Достоевский, Прилепин

Мотивный комплекс рая, представляющий из себя комплекс всех представлений о рае во всем его многообразии, позволяет рассматривать мотив не только на уровне отдельного произведения, но и как связующую точку ряда художественных текстов, которые зачастую принадлежат не только к различным культурным традициям, но и к разным эпохам. Это дает возможность исследовать не только индивидуально-авторское понимание определенного мотива в художественном тексте, но и рассматривать через его мотивный комплекс взаимодействие различных культурных традиций.

Невозможно отрицать смешение различных культурных традиций в русской литературе, в огромной мере это произошло и с мотивным комплексом рая. После принятия христианства он соединил в себе языческие и православные черты, в результате чего представления о рае на Руси приобрели собственное наполнение: «христианские представления о боге, рае и аде <...> преломились до неузнаваемости, пройдя сквозь призму славянской первобытной религии» [1, с. 27], — писал советский историк русской Церкви М.Н.Никольский. Неоспоримо и влияние европейской традиции в изображении ада и рая на русскую литературу.

Переводы представителя английской поэзии XVII века Дж.Мильтона приобрели привычные формы в XIX веке, однако отдельные фрагменты произведений или их рукописные переводы были известны еще в XVIII веке. Его поэма «Потерянный рай» (1667 год) стала отправной точкой к формированию особого понимания ада и рая в русской поэзии XIX века и дальнейшем формировании взаимодействия библейского текста и русской классической литературы.

Сюжет «Потерянного рая» начинается с изображения войны между небом и адом, где на одной стороне Бог и его ангелы и архангелы, а на другой — падший ангел Сатана и его духи зла. Потеряв рай, Сатана не смиряется с поражением, не раскаивается, он хочет бороться за сердца людей, разжигая в них жажду знания, что может заставить их преступить запрет между добром и злом. Целью поэмы Мильтона было объяснить современную ему историческую ситуацию, с тем, чтобы соотнести её с истинами христианской религии. Взяв за основу библейский сюжет, поэт создает единый эпический образ, включающий в себя мифологического персонажа, современного исторического человека и саму человеческую природу.

Л.Романчук в статье «Трансформация библейского сюжета в поэме Мильтона «Потерянный рай»» говорит об этом поэте как о революционере в литературной традиции. «Именно Милтон, — по мнению исследователя, — впервые нарушает традиционность трактовки библейских мест, позволяет свою интерпретацию и свое отношение, тем самым именно с него начинается трансформация библейских сюжетов в литературе как способ выражения новых отношений и ценностей, возникших в обществе» [2, с. 127].

Эпоха, в которую жил Милтон требовала пересмотра многих идеалов. Она подвергла сомнению незыблемые понятия добра и зла, воплощенные в образах Бога и дьявола. Л.Романчук подчеркивает, что именно Милтон одним из первых «подошел к Библии как к литературному феномену». Выбор поэтом определенных художественных средств трансформирует библейскую интерпретацию: образ Сатаны не только заменяет образ Змея-искусителя, но и становится совершенно другим по сравнению со средневековыми представлениями. Данте и его современники в своих произведениях описывали его подобно устрашающему животному: уродливая внешность, многорукость, огромная пасть, которая является входом в ад, свиные клыки и копыта, козлиные ноги, неперенная хромота как знак его падения с небес. Милтоновский Сатана следует традициям эпохи Ренессанса, Милтон изображает его прекрасным в своем непокорном величии, возвеличивает его грандиозную трагическую фигуру, однако, в угоду христианской доктрине, изображает его злым и мстительным, вселяя то в жабу, то в змея.

Знаменитое признание Сатаны в том, что ад находится внутри него самого, задают особый тон повествованию и, одновременно сообщают главную истину, в дальнейшем воспринятую всей мировой литературой: ад и рай пребывают не только за пределами человеческого понимания, но и находятся в самих людях. Сатана Мильтона предстает в непокорном величии, Милтон часто возвышает его трагическую фигуру,

что выходит за рамки библейской концепции. Образ Адама противопоставлен Сатане, его грехопадение изображено как осознанное решение героя, который, видя падение Евы, совершает свой греховный поступок, отдавая себе полный отчет в этом. Идея поэмы: борьба добра и зла, греха и добродетели происходят в душах людей вне времени и вне пространства. Рай Мильтона находится в центре мироздания, между Небесами и Адом. Райский сад «Эдем» исчезает после грехопадения, и вернуться в то гармоничное состояние можно только обретя рай внутри.

Эти идеи наложили отпечаток на последующую русскую литературу, а так же расширили наполнение мотива «рай» и его антинормы «ад», которая продолжилась в традиции различных литературных направлений, в том числе, в классической литературе XVIII—XIX веков.

Поэзия XIX века, в большей мере, чем проза актуализировала мотивный комплекс рая. В творчестве М.Ю.Лермонтова явно был выделен архетипический мотив «потерянного рая». Чувство одиночества и потерянности, характерное для романтического лирического героя, в его произведениях выражается через мысль об утраченном рае. Этот подтекст сквозной линией проходит через всю лирику поэта, при этом состояние одиночества, воспринимается уже не как желание романтической личности уйти от мира, а восходит к трагедии утраты рая-сада.

В творчестве поэтов-романтиков на первый план вышла оппозиционная тема «ада» и «демонизма», воспринимаемая как архетипическая оппозиция «рая». Т.А.Кошемчук утверждает, что «духовная традиция переложений псалмов в XVIII веке, как и предшествующая русская словесность, не акцентировала тему зла; кристаллизация образа демона связана, безусловно, с влиянием мильтоновских и байроновских произведений» [3, с. 279]. В результате, в лирике поэтов-романтиков рождается сквозной «демонический» мотив, рассмотренный в статье Т.А.Кошемчук «“Мой демон” в русской лирике: опыт познания внутреннего человека в поэтической антропологии классического периода».

Исследователь говорит о возможности двойного понимания данной темы в литературе. С одной стороны, в духе христианской традиции она связана с темой грехопадения ангелов и человека. Однако в западном культе образ демона понимается исследователями как дух протеста и мятежа, а, следовательно, его отпадение от Бога зачастую рассматривается как акт свободолюбия.

Дух гордый и мятежный — образ демона в поэзии русских романтиков приобрел революционное устремление, и, как следствие, был понят советскими исследователями в отрыве от христианской традиции. В то время как в русской классической поэзии этот образ мыслился в ключе религиозном, изначальном: под демонизмом чаще всего понимался богоборческий атеизм. Т.А.Кошемчук отмечает, что в контексте русской культуры образ демона в стихах поэтов зачастую выражал то зло, с которым борется поэт в душе. Именно «мой демон», а не «демон» вообще становится специфической для русской поэзии трансформацией образа европейской культуры.

Говоря о «демоне» Фета, исследователь приводит стихотворение «В пору любви, мечты, свободы...» (1855), в котором также появляется образ райского сада Эдема. Лирический герой в пору жизненных испытаний осознает в себе зло, которое предстает в образе библейского змия, искушавшего Адама и Еву в Раю. «Победить зло в самом себе для лирического героя оказалось труднее иных побед», — пишет Т.А.Кошемчук в работе «Образы ангела и демона в поэтических видениях А.А.Фета» [4, с. 18].

Исследователи подтверждают, что в свете святоотеческой антропологии русская поэзия осмысляет проблему человека в духе глубокого и острого антинормизма: двойственность человека, свет и тьма в нем эксплицируются в образах ангела и демона, отражающих светлый и темный полюсы человеческой души.

В лирике большинства поэтов первого ряда есть свой «ангел» и свой «демон», что подтверждает мысль о греховности человека. Русские поэты не менее глубоко чувствуют проникнутость человеческой души до самой глубины духом зла. Целый ряд стихотворений о «моем демоне» рождается из осмысления власти лукавого и многоликого духа зла над человеческими душами. Изображение демона, зла, по своей сути безобразного и отвратительного, в стихотворных покаянных медитациях русских поэтов несло в себе этот глубокий нравственный смысл, оно было выявлением тьмы в себе и первым шагом в борьбе с бесовскими воздействиями, борьбе ада и рая внутри самого человека.

Продолжением данной темы в прозе можно смело назвать творчество Ф.М.Достоевского, который выстраивает свою теорию существования Бога от противного, но, однако, не теряет попытки обретения «рая на земле». Уже в 1860 годы в его произведениях появляется идея о том, что благодаря свободной воле, которая принадлежит в этом мире человеку, он сам оказывается творцом своего ада и рая, что позднее отольется в чеканную формулу: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Эту мысль удачно сформулировал новопрославленный сербский святой — преподобный Иустин (Попович), по его собственному признанию, ученик Достоевского: «Человек — единственное во всех мирах существо, распростертое от рая до ада. Проследите за человеком на всех путях его, и вы увидите, что все пути его ведут или в рай, или в ад. Нет ничего в человеке, что не завершалось бы или раем, или адом. <...> А это значит: и зло, и добро человека беспредельны, вечны, поскольку добро ведет в вечное царство добра — в рай, а зло ведет в вечное царство зла — в ад» [5, с. 115].

Необходимо отметить, что, пройдя сквозь века, идеи «Потерянного рая» Мильтона глубоко проникли в мотивный комплекс рая, который наследуется и современными писателями. Через центрального персонажа романа «Обитель», Артема Горяинова, Захар Прилепин по-своему решает вопрос двойственности души.

Главный герой на протяжении всего романа пребывает в мучительном борении, в поиске веры и отторжения от нее. В самом начале книги он не отвечает на вопрос вкрадчивого Василия Петровича о своей вере, дважды отказывается принять Евангелие от владыки Иоанна, которого искренне уважает, он не влился и в общий покаянный хор всех обреченных на расстрел на Секирке. Но тот же момент автор показывает его внутреннее глубинное покаяние, обращенное как бы напрямую Богу: «Артем повторял: «Я здесь! Я! Какое богатство у меня! Весь как в репьях! Как в орденах! Да есть ли такой грех, которого не имею?» [6, с. 562]. Находясь в расстрельном ряду, он спокойно и совершенно не раздумывая становится место другого заключенного, чтобы поддержать женщину, «ни жену, ни подругу – просто любовницу». Это еще один шаг героя напрямую к Богу.

Таков Артем Горяинов — человек своего времени, балансирующий между верой и безверием, пытающийся услышать свое откровение, найти свой путь ко спасению, но так и не находящий его и в итоге ставший безразличным ко всему, тенью себя. В финале мы видим, что между ангелами и бесами он не принял ничьей стороны, а потому растворился в пустоте, с Артемом не происходит полного перерождения, но его путь, его внутренний духовный рост, который хоть и не идет ровно и плавно, все же происходит.

Стремление человека к раю, к обретению его внутри собственной души — актуальная проблема современной литературы, и об этом, в частности, говорит востребованность милтоновских мотивов, по своему воспринятых русской культурой и трансформированных под влиянием исторических и духовных перипетий в жизни нашего народа.

1. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Издательство политической литературы, 1983. 448 с.
2. Романчук Л. Трансформация библейского сюжета в поэме Мильтона «Потерянный рай» // Демонизм в западноевропейской культуре. Днепропетровск, 2009. С. 127-129.
3. Кошемчук Т.А. «Мой демон» в русской лирике: опыт познания внутреннего человека в поэтической антропологии классического периода // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв. Петрозаводск, 2008. С. 275-295.
4. Кошемчук Т.А. Образы ангела и демона в поэтических видениях А.А.Фета // Искусство и образование. СПб., 2003. С. 15-21.
5. Преподобный Иустин (Попович) Философские пропасти. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. 288 с.
6. Прилепин З. Обитель. М.: АСТ, 2015. 746 с.

References

1. Nikol'skiy N.M. Istoriya russkoy tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, 1983. 448 p.
2. Romanchuk L. Transformatsiya bibleyskogo syuzheta v poehme Mil'tona "Poteryanny ray" [Transformation of the biblical story in Milton's poem "Lost Paradise"]. Demonizm v zapadnoevropeyskoy kul'ture. Dnepropetrovsk, 2009, pp. 127-129.
3. Koshemchuk T.A. "Moy demon" v russkoy lirike: opyt poznaniya vnutrennego cheloveka v pochticheskoy antropologii klassicheskogo perioda ["My demon" in Russian lyrics: the inner person in the poetic anthropology of the classical period]. Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vv. Petrozavodsk, 2008, pp. 275-295.
4. Koshemchuk T.A. Obrazy angela i demona v pochticheskikh videniyakh A.A.Feta [The images of an angel and a demon in A.Fet's poetic vision]. Iskusstvo i obrazovanie. Saint Petersburg, 2003, pp. 15-21.
5. Prepodobnyy Iustin (Popovich) Filosofskie propasti [Philosophical gaps]. Moscow, 2004. 288 p.
6. Prilepin Z. Obitel' [Obitel]. Moscow, 2015. 746 p.

Parinova A.S. Motivic complex of paradise in the Russian literature under the influence of the poem by J.Milton "Paradise Lost". This article deals with the influence of the poem of J.Milton (1667) on a motivic complex of paradise in the Russian literature: the transformation of the biblical images of hell and paradise, the duality of Satan image, and also the displacement of "paradise" place from the external plan to internal — into inner world of the person. This poem had impact on Russian romantic poets of the 19th century (M.Lermontov, A.Fet). The development of the ideas of Milton in the Russian prose (F.Dostoyevsky, Z.Prilepin) continues up to the present moment. The problem of duality of a human soul occupy one of the important places in the Russian literature.

Keywords: motivic complex, motive, paradise, hell, "Paradise Lost", Milton, Lermontov, Fet, Dostoevskiy, Prilepin.

Сведения об авторе. А.С.Паринова — кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы Верхнехавской СОШ №1, anna.parinova.90@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019.